

УДК 930.2 + 930:002 + 069 + 02 + 004 + 008
ББК 63.2 + 85.1 + 79
Р68

Рецензент:

А.С. Минаков, доктор исторических наук, заместитель директора
Дирекции изучения истории МПГУ Московского педагогического
государственного университета

Р68 **Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки:** сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. — Москва, 2019. — 1015 с.

Role of pictorial Sources in Information Support of Historical Science: a collection of articles / Author-compiler E.A. Vorontsova; responsible editors A.G. Golikov. — Moscow, 2019. — 1015 p.

ISBN 978-5-480-00410-6

Цель проекта — серии «Музеи — библиотеки — архивы в информационном обеспечении исторической науки» — заключается в описании поставленной проблемы в преломлении основных хранилищ исторических источников, выступающих в ипостаси музейных предметов, изданий, архивных документов. 6-й сборник серии — «Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки» — второй, где проблема рассматривается в преломлении данного вида исторических источников как источников визуальной информации. В нем сохранена прежняя структура, чтобы продолжить сравнительный анализ хранимого музеями — библиотеками — архивами: центры создания, сохранения и изучения изобразительных источников как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки; изобразительные источники и их комплексы как информационный ресурс исторической науки; технологии извлечения информации из изобразительных источников; репрезентация информационного потенциала изобразительных источников и их комплексов; изобразительные источники и коммуникация хранителей, исследователей, пользователей. Авторы сборника — известные и молодые ученые, сотрудники научных институтов и вузовской науки из 23 городов России. Сборник имеет международную составляющую (Париж, Франция).

Адресован историкам, музею-, библиотеко- и архивоведам, а также тем, кого интересуют междисциплинарные исследования на стыке исторической науки с гуманитарными и иными науками, науковедением, информатикой.

УДК 930.2 + 930:002 + 069 + 02 + 004 + 008
ББК 63.2 + 85.1 + 79

ISBN 978-5-480-00410-6

© Е.А. Воронцова, авт.-сост., 2019
© Авторы, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	19
Введение в проблему	23
<i>Алпатов В.М.</i> О звуковых, письменных и визуальных способах передачи и хранения информации	23
<i>Серов Н.В.</i> Онтология соотношений между источниками визуальной и вербальной информации	29
<i>Мазур Л.Н.</i> Визуальный поворот в исторической науке: от текста к образу	52
<i>Беззубова О.В.</i> «Визуальный поворот» в гуманитарных исследованиях и историческая наука	62
<i>Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.</i> Изобразительные источники: смотреть и видеть / не видеть	72
<i>Алексеев В.В.</i> Феномен изобразительных источников / визуальных источников: к вопросу о терминологии и классификации	90
<i>Ланской Г.Н.</i> Теоретические и методические аспекты классификации изобразительных источников в исторических исследованиях	101
<i>Кокорина Ю.Г.</i> «Изобразительный источник»: эволюция понятия и развитие информационных технологий	109
<i>Солодянкина О.Ю.</i> Изобразительный источник как инструмент искажения исторического факта	124
<i>Шемакина О.Д.</i> О видимом и невидимом в российском социокультурном пространстве. Российский опыт в универсальном контексте	132
<i>Шемакин Я.Г.</i> Образ пространства как фактор цивилизационной идентификации: Латинская Америка и Россия в сравнительно- исторической перспективе	141
<i>Воронцова Е.А.</i> Информационное обеспечение исторической науки и музеи — библиотеки — архивы как хранилища источников информации: теория, методология, практика	152
Центры создания, сохранения и изучения изобразительных источников как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки	162
<i>Полякова М.А.</i> Изобразительные источники в исторической реконструкции утраченных усадебных музейных собраний	162
<i>Игнатова О.А.</i> Деятельность Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии по обеспечению исторических исследований изобразительными источниками	170
<i>Степанова Л.Б.</i> Живое окно в жизнь Севера: визуальные ландшафты Якутской области в фотопроектах экспедиций конца XIX — начала XX века. . .	186
<i>Миссонова Л.И.</i> «Сахалинский альбом» рисунков полевых исследований японского чиновника Хотта периода Эдо (1857): к вопросу о достоверности изобразительных кодов трансляции информации	194
<i>Киселев М.Ю.</i> Источники визуальной информации в фондах Архива Российской академии наук	203

<i>Лаптева Т.Н.</i> Изобразительные источники по истории академической науки в 1980–1990-е годы в Архиве РАН: выявление и систематизация.	213
<i>Рощевская Л.П.</i> Изобразительные источники по истории «Водного промысла» — предприятия по осаждению радия из минеральной воды и получению радиевого концентрата в Коми АССР (1931–1956).	226
<i>Леонтьева О.Г.</i> Региональные архивы как центры собирания, хранения, изучения и репрезентации фотодокументов — источников визуальной информации.	236
<i>Александров Е.В.</i> Генезис мультимедийной визуальной антропологии	244
<i>Марков Н.А.</i> Тематическое планирование и определение групп по оплате Государственным комитетом СССР по кинематографии как основные механизмы управления процессом создания кинофильмов (1963–1986)	254
<i>Плахутина Е.Н.</i> Спортивные фотографии как источник визуальной информации по истории спорта	267
<i>Полищук А.А.</i> Протестная фотография в ЮАР в 1980-е годы: опыт классификации визуальной информации	273
<i>Виноградова Т.И., Лемешко Ю.Г.</i> Центр изучения китайской ксилографической народной картины в Тяньцзине (КНР) как инициатор нового направления в гуманитарной науке	286
<i>Карначук Н.В.</i> Площадная английская гравюра XVI–XVII веков как изобразительный источник: история изучения, опыт создания сетевых центров ее хранения за рубежом.	293
<i>Изобразительные источники и их комплексы как информационный ресурс исторической науки</i>	304
<i>Соколов Б.М.</i> Визуализация исторического ландшафта в графических работах Ж.-К. Гольвена: от документа к образу	304
<i>Ртищева И.А.</i> Аполлинарий Васнецов. Визуальные реконструкции прошлого Москвы	310
<i>Самодолова Е.А.</i> О достоинствах вербальной информации при утрате части первоначального визуального ряда (на примере комплекса источников о художнике Ефиме Честнякове из Костромской губернии / области)	317
<i>Черная Л.А.</i> Гравюра как визуальная фиксация событий петровской эпохи	342
<i>Свиценская М.К.</i> Собрание произведений графики в отделе рукописей Российской национальной библиотеки как информационный ресурс для исследований по истории блокады Ленинграда (8 сентября 1941 — 27 января 1944)	352
<i>Каск А.Н.</i> Коллекции аналоговых фоторепродукций художественных произведений в цифровую эру. Хранить нельзя списать.	371
<i>Иващенко Т.С.</i> Роль документальной фотографии в современных memo studies.	382
<i>Молодцова Н.В.</i> Внедрение новых обрядов и праздников в первой половине 1960-х годов: торжественная регистрация брака в Подмоскovie по фотографиям из фондов Музейно-выставочного комплекса Московской области «Новый Иерусалим»	391
<i>Баранова Е.В.</i> Особенности создания цифровых архивов семейных фотографий и работы с ними: на примере проекта «Калининград советский. Народный фотоальбом»	398

<i>Карагодин А.В., Панфилов И.О.</i> Публикации изобразительных источников любителями истории в соцсетях на службе историка-профессионала (на примере группы «Старый Новый Сименз» в социальной сети «Facebook»).	407
<i>Бекжанова Н.В., Жабрева А.Э., Сидоренко Н.А.</i> Иллюстративные материалы на страницах изданий коллективной биографики	417
<i>Рябова В.И.</i> Визуальная информация в научной редкой книге как источник для исследований по истории науки	446
<i>Соколова Н.Ю.</i> Символические изображения в изданиях Истпарта как источник информации для исследований по отечественной истории 1920-х годов	455
<i>Ефимова Е.А.</i> Иллюстрации в азбуках и букварях 1900–1920-х годов как источник визуальной информации по истории игровой культуры	462
<i>Рыжкова О.В.</i> Детский иллюстрированный журнал «Мурзилка» как источник визуальной информации для реконструкции индоктринации «советскости» в 1927–1932 годы	477
<i>Тимшина Е.Л.</i> «По ту сторону глянца»: социокультурные исследования через призму современных женских иллюстрированных журналов	489
Технологии извлечения информации из изобразительных источников	499
<i>Мельченко А.В.</i> Визуальная информация предметов торевтики как основа реконструкции мировоззрения носителей древних бесписьменных культур Луристана и Гилана XII–VII вв. до н.э.	499
<i>Лихтер Ю.А., Кокорина Ю.Г.</i> Информационный потенциал декора на артефактах древности	506
<i>Суриков И.Е.</i> Изображения на древнегреческих монетах как источник визуальной информации для историка (несколько сюжетов)	523
<i>Селиванова Л.Л.</i> Изображения на античных монетах из собраний Британского и Датского музеев как источник визуальной информации по истории древней Кирены	537
<i>Филиппов И.С.</i> Символы и реалии в изображениях на средневековых западноевропейских печатях: методы анализа визуальной информации	544
<i>Миролюбов И.А.</i> Визуализация идеологии императорской власти в Древнем Риме средствами изобразительного искусства: к постановке проблемы	560
<i>Кирюхин Д.В.</i> Красный дракон и белый грейхаунд в нарративных и визуальных английских источниках начала XVI века	570
<i>Шпак Г.В.</i> Визуальные источники в естественнонаучном знании XVI–XVII веков в свете современной историографии.	579
<i>Черный В.Д.</i> Русское средневековое искусство как информационная система: проблемы изучения	592
<i>Суканя Л.Б.</i> Русская средневековая икона как исторический источник: проблема поиска методов исследования	609
<i>Веселов Ф.Н.</i> Миниатюры рукописей «Сказания о Мамаевом побоище» XVII–XIX веков как источник визуальной информации для датирования лицевого архетипа памятника	622
<i>Корнев Д.М.</i> Икона XV–XVII веков как источник визуальной информации для реконструкции русского костюма позднего средневековья и раннего нового времени	635
<i>Ульянов О.Г.</i> Пространственная семантика византийских и древнерусских памятников изобразительного искусства	649

<i>Жижин М.Н., Уханова Е.В., Андреев А.В., Пойда А.А.</i> Естественнаучные методы в визуализации утраченных фрагментов средневековых изобразительных источников	661
<i>Мурашов Д.М., Белоозеров В.Н., Иванова Е.Ю., Березин А.В.</i> Применение компьютерных методов анализа изображений для атрибуции произведений живописи	671
<i>Экштут С.А.</i> Исторический портрет как источник визуальной информации: опыт теоретической систематизации	680
<i>Минаков С.Т.</i> Изобразительные источники как информационный ресурс для изучения советской военной элиты 1920–1930-х годов	688
<i>Тугаринов Д.Н.</i> Подготовительные материалы (эскизы, наброски) как источники визуальной информации для историка искусства — исследователя творческой лаборатории скульптора	703
<i>Богданов В.П.</i> Изобразительно-художественные источники в контексте исторического знания	710
<i>Родин И.В.</i> Французские плакаты и рисунки 1960-х гг. как изобразительные источники в контексте становления постиндустриального общества	720
<i>Акишнина А.Н.</i> Лубочные плакаты Первой мировой войны (1914–1918) как источник визуальной информации	727
<i>Червяков Р.Ю.</i> Опыт комплексного анализа политической карикатуры при изучении советской идеологии конца 1970-х — середины 1980-х гг. (по материалам журнала «Крокодил»)	738
<i>Ткаченко С.О.</i> От факта к мифу: открытка советского времени как источник визуальной информации и как артефакт исторической памяти	747
<i>Рубинина З.М.</i> Проблемы исследования фотографии как изобразительного источника	758
<i>Алексеев В.В.</i> Проблема достоверности постановочных фото- и киносъемок	775
<i>Ермаков В.А.</i> «Визуальная социология» П. Штомпки как метод повышения информационной отдачи фотодокументов	787
<i>Косован Е.А.</i> Фотодокументы и архитектурная графика как источник информации о трансформациях ландшафта Алма-Аты — столицы Казахской ССР	793
<i>Головнев И.А.</i> Архивное этнографическое кино как источник информации для исторических исследований	804
<i>Петрова О.С., Шимбирёва О.А.</i> Комплексный подход к изучению визуальной и нарративной информации по истории современного женского движения (по материалам периодической печати)	812
<i>Свитич Л.Г., Свитич А.Л.</i> Социологический метод контент-анализа иллюстраций в прессе как источника визуальной информации по истории	820
<i>Репрезентация информационного потенциала изобразительных источников и их комплексов</i>	840
<i>Никонова А.А.</i> Гносеологические парадоксы визуальной информации в музейном пространстве	840
<i>Именнова Л.С.</i> Специфика источников визуальной информации и реализация их потенциала в музеях образовательных организаций	847
<i>Петрина О.Б., Корзун Д.Ж., Волохова В.В., Яловицына С.Э.</i> Совершенствование выявления и отбора источников ретроспективной визуальной информации на основе применения алгоритмов ранжирования в цифровых сервисах информационного обеспечения музея	861

<i>Демирова Н.И.</i> Учетная документация отдела письменных источников Государственного исторического музея как инструмент оценки эффективности научного и экспозиционного использования источников визуальной информации	871
<i>Басирова К.К.</i> Электронный каталог этнографических фотодокументов Научного архива Института истории, археологии и этнографии Дагестанского Научного центра как форма репрезентации комплекса изобразительно-натуральных источников	880
<i>Головнева Е.В.</i> Визуально-антропологические смыслы детских рисунков быстринских эвенков 1920–1930-х годов (по материалам архива Е.П. Орловой)	888
<i>Сидорова Л.А.</i> Изобразительное искусство как источник для изучения мировоззрения советских историков (выставки АХР и ОХР в восприятии С.А. Пионтковского)	896
<i>Суслова Р.А.</i> Проблема отбора изобразительных источников (на примере сравнения живописных произведений социалистического и актуального реализма как отражения ментальных установок советского и постсоветского периодов)	906
<i>Сукисян Э.Р.</i> Отображение источников визуальной информации в таблицах Библиотечно-библиографической классификации	915
<i>Середа Н.В.</i> Археография и проблемы перевода визуальной информации в вербальную	923
<i>Кузыбаева М.П.</i> Использование информационного потенциала изобразительных источников в исследованиях по истории медицины: прошлое и современность	929
<i>Полчаева Ф.А.</i> Натурный рисунок В.Ф. Тимма «Виды и типы Дагестана» как источник визуальной информации о материальной культуре народов Дагестана	936
<i>Изобразительные источники и коммуникация хранителей, исследователей, пользователей</i>	
<i>Голиков А.Г.</i> Источниковедение изобразительных источников как учебная дисциплина	943
<i>Белгородская Л.В.</i> Обучение технологиям извлечения информации из произведений исторической живописи	953
<i>Баяндин В.И., Запороженко А.В.</i> Источники визуальной информации на публичных лекциях по военной истории России в школе и вузе	963
<i>Федотов О.И.</i> О виртуальных экскурсиях по литературно-историческим достопримечательностям Москвы	970
<i>Быстрицкий Н.И.</i> Визуальная коммуникация в истории	976
<i>Немчинов В.М.</i> Произведения изобразительного искусства как источники визуальной информации для исторических и коммуникативных исследований	992
<i>Илизаров Б.С.</i> Источники кинофильма С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный»: к вопросу о соотношении вербального, визуального и исторического компонентов	1002
<i>Шемякин Ф.Я.</i> Память городского пространства: способы коммуникации с наследием в проектах московских архитекторов второй половины XX–XXI веков	1013
<i>Сведения об авторах</i>	1020

The Recept Of The Lady Kateryne / Ed. by G. Kipling. Oxford: Oxford University Press, 1990. 276 p.

Sampson R., Benedictus de Opitiis. Image of an allegory celebrating the House of Tudor. Royal MS 11 E xi, f. 2 // Online galley of The British Library. Электронный ресурс: <http://www.bl.uk/onlinegallery/features/flemish/flemish1111ge.html> (дата обращения 02.03.2019)

Vergil Polydore. Anglica Historia. Latin text and English translation / Ed. and trans. by Sutton D.J., 2005. Book XXVI. P. 10 // Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute. Электронный ресурс: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/26eng.html> (дата обращения 02.03.2019).

УДК 930

Г.В. Шнак, G.V. Shpak

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОМ ЗНАНИИ XVI–XVII ВЕКОВ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

VISUAL SOURCES IN THE NATURAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE OF THE XVI–XVIIth CENTURIES IN THE LIGHT OF RECENT HISTORIOGRAPHY

Аннотация: визуальные источники в последние десятилетия приобрели статус полноценного и самостоятельного объекта исторического познания. В институтах открыты подразделения, специализирующиеся на анализе визуальных данных в истории науки; написаны работы, предмет которых — частные случаи, и полномасштабные компаративные исследования. Значительное их число посвящено проблемам визуальности в раннее новое время. Однако до сих пор в русскоязычной историографии они не были освещены и хотя бы первично систематизированы. Цель данной статьи — восполнить этот недостаток. В ней дан обзор современных работ, чьим объектом являются изображения и изобразительные практики XVI–XVII вв., рассмотрены основные стратегии и приемы работы авторов с визуальными источниками раннего нового времени, обозначены возможные направления дальнейшего изучения визуальности.

Abstract: in recent decades visual sources have acquired the status of a substantive object of historical knowledge. Now we have Institutional departments that specialize in the analysis of visual data in the history of science, and papers that deal with special cases and full-scale comparative studies. A significant number of works devoted to problems of visual in the early modern period. However in the Russian historiography still has not been done the primary systematization of such studies. The purpose of this article is to fill this gap. The article provides an overview of recent papers which objects are images and pictorial practices of the XVI-XVII centuries. The author considered the main historian's strategies

and techniques and indicated the possible directions for the further study of visual in early modern period.

Ключевые слова: историография, визуальные источники, изобразительные источники, история науки, история естественнонаучного знания, методология исторического исследования, визуальный поворот, иконический поворот, раннее новое время, эпоха Перемен.

Keywords: Historiography, visual sources, pictorial sources, history of science, history of scientific knowledge, methodology of historical research, visual turn, iconic turn, early modern period, period of change.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00186 «“Культура духа” vs “Культура разума”: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.)

В последние десятилетия в мировой историографической практике произошел ряд «поворотов», в результате которых историки обратили внимание на широкий круг источников, ранее не рассматривавшихся ими в качестве объекта профессионального интереса. Статус полноценного и самостоятельного исторического источника получили и изображения. Исследования в области визуальных практик раскрывают их эвристический потенциал, расширяя тем самым горизонты исторического познания, однако в отечественной историографии подобные работы все еще остаются на периферии. В связи с этим особенно актуальным представляется обзор стратегий анализа изобразительных источников, применяемых зарубежными специалистами. В нашей статье дан анализ их подходов к изучению визуальных практик в естественнонаучном знании конца XVI – начала XVII в.

Показательна в этом отношении коллективная монография «Изображая знание: исторические и философские проблемы использования искусства в науке». Как указано во введении, ее цель — рассмотреть изображения в науке не как вспомогательный инструмент, служащий иллюстрации текста, а как стоящую с текстом наравне либо превосходящую его систему аргументаций [Picturing Knowledge, 1996]. В статье «Дидактическое и изящное: размышление о научных и технических иллюстрациях в средние века и эпоху Ренессанса» Б. Холл указывает на то, что вопрос о роли изображений в науке в раннее новое время остается нераскрытым: «У нас до сих пор нет внятной карты иллюстрируемых концептов. Мы до конца не понимаем, что мы ищем, когда смотрим на изображения, наброски или диаграммы, что ведет к многочисленным дискуссиям. Для большинства исследователей изображения до сих пор остаются чем-то второстепенным и периферийным» [Picturing Knowledge, 1996. P. 4] (здесь и далее перевод англоязычных работ наш).

За время, прошедшее с публикации этой работы, ситуация сильно изменилась. Выходят сборники, посвященные визуальным репрезентациям в естественных науках, монографии, касающиеся отдельных исторических сюжетов и компаративные исследования, в которых дан анализ наработок последних десятилетий. Обилие исследований, посвященных репрезентативным практикам, в том числе визуальному, потребовало от С. Шейпина упоминания о них в объемной библиографии к изданию «Научной революции» [Shapin, 2018. P. 216]. Среди прочих он упоминает работы: «Гравюры, поиск и знание в Европе раннего нового времени» [Prints and the Pursuit, 2011], «Запечатлевая книгу природы: изображение, текст и аргумент в XVI в.» [Kusukawa, 2012], «Разочарование: Изображения экзотических животных и растений в раннее новое время» [Mason, 2009], «Носороги и мегатерии: эссе по натуральной истории» [Pimentel, 2017], «Зеркало, окно и телескоп: как линейная перспектива ренессанса изменила наш взгляд на вселенную» [Edgerton, 2009], «Наука описания: естественная история в Европе эпохи Ренессанса» [Ogilvie, 2006].

Несмотря на обилие работ по истории визуальных практик в естественных науках, в историографических обзорах эта тенденция не получила отражения, хотя и встраивается по своим основным параметрам в рамки визуального, или «иконического», поворота. Рассмотрим, какие стратегии работы с изобразительными источниками — носителями визуальной информации представлены в исследованиях 1990–2010-х гг.

Одной из первых работ, в которой ставится вопрос о функциональном назначении изображений, является статья Б. Латюра «Визуализация и знание», опубликованная в 1986 г. [Latour, 1986], но получившая особое признание, судя по количеству переводов, в 2000–2010-е гг. [Латур, 2017, и др.]. Главный его тезис состоит в том, что поворот к визуальному, произошедший в естественнонаучном знании в XVI–XVII вв., лежит в основе становления науки, поскольку обеспечил возможность фиксации реальности в виде визуальных метафор. Латюр указывает, что новый тип метафоризации открывает дорогу, в числе прочего, экономическим и политическим теориям, формируя в европейском сознании новые паттерны восприятия понятий «деньги» и «власть», а «визуальное» в XVI в. начинает превосходить «вербальное». Истоки новой визуальности он видит в деятельности западноевропейских художников (Леонардо да Винчи, Франческо ди Джорджо Мартини, А. Дюрера и др.), которые, по словам С. Эджертонна, «создали сложную грамматику и синтаксис квантификации природных явлений на картине, <...> изобразительное искусство стало изобразительным языком, который, при наличии практики, мог сообщать больше, быстрее и потенциально для более широкой аудитории, чем какой-либо вербальный язык в человеческой истории» [цит. по: Латур, 2017. С. 109]. Среди немногих работ, рассматривающих изображения в контексте визуальной культуры,

Латур выделяет работу С. Альперс «Искусство описания: немецкое искусство XVII в.» [Alpers, 1983]. Она придает значение материальному слову «мировоззрение», рассматривая искусство в контексте того, как культура видит мир и делает его видимым; и утверждает, что «новая визуальная культура одновременно переопределяет, что значит видеть и что должно быть увидено» [Там же. С. 110].

Подчеркивая устойчивый статус проекций и характер их распространения, Латур вводит понятие «неизменяемые мобильности», накопление которых и противоречий между ними ведет к формированию нового знания. «В конце концов, точность переходит от средства коммуникации к сообщению, от напечатанной книги к контексту, с которым она устанавливает двустороннюю связь» [Там же. С. 114]. Латур ищет истоки новых репрезентативных практик не в философских концепциях, а в новых формах взаимодействия: «Новый интерес к “Истине” исходит не из нового взгляда, а из старого, направленного на новые видимые объекты, по-другому мобилизующие пространство и время» [Там же]. Он констатирует, что в XVI в. формируется новая метафора реальности, что приводит к сосуществованию двух миров — мира божественного и мира, запечатленного в виде изображений и схем. В результате атласы, чертежи и схемы начинают конкурировать между собой, претендуя на первенство в гонке за наиболее «реальное» отображение мира. «Ничего нельзя сказать о крысах, но многое можно сказать об изображениях» [Там же. С. 122].

Этот подход оспаривают ученые, считающие необязательным отказ от возможности создания «большого нарратива» в истории науки и настаивающие на конечном превалировании «факта» над субъективными представлениями. Д. Вуттон открыто дискутирует с Б. Латуром по вопросу о роли изображения в науке, делает акцент на том, что с распространением изображений возникает и критика [Вуттон, 2018]. Он приводит в пример А. Везалия и его анатомический атлас «О строении человеческого тела» (1543; перевод на русский язык: [Везалий, 1950–1954]) как одно из первых изданий, где изображение играет ключевую роль. Везалий, оспаривая тезис Галена о бесполезности изображений, заложил основы новой репрезентативной практики. У анатомов будущего появилась возможность оспаривать изображения Везалия, приближаясь к истине. Схожие приемы фиксации реальности он видит в «Достопамятных комментариях к описанию растений» («De historia stirpium commentarii insignes», 1542) Л. Фукса и «Истории животных» («Historiae animalium», 1551–1558) К. Гесснера. «Точно так же, как иллюстрации Везалия позволяли надежно идентифицировать части человеческого тела, новая иллюстрированная ботаника сделала возможными достоверные знания о различных видах, а также способствовала прогрессу в их наименовании и идентификации» [Там же. С. 171]. Именно указание на фиксацию достоверного знания отлича-

ет позицию Вуттона от позиции Латура. Таким образом, Вуттон признает за изображениями важную роль в распространении знания, но не в его формировании и метафоризации реальности, приравнивая изображения к иллюстрациям. По его версии печатный станок позволил эффективно распространять иллюстрации фактов, по версии Латура — проекции-метафоры: «Бруно Латур относится к тем отважным — иногда даже слишком — мыслителям, которые не боятся делать далеко идущие выводы, но в данном случае мне кажется, что он остановился слишком рано. Печатный станок сделал факты не более твердыми, а — за исключением нескольких узкоспециальных областей, таких как астрономия, — возможными» [Там же. С. 269].

Есть авторы, которые связывают новые познавательные стратегии с трансформацией оптики, в первую очередь с возникновением особого доверия к зрению, как результатом преобладания неоплатонизма над идеями Аристотеля. Историк культуры И. Лисович указывает на тесную связь неоплатонизма и точных измерений [Лисович, 2015]. «Философия Платона в раннее Новое время стала фундаментом для обоснования видимо воспринимаемого мира как объекта познания, способного открыть путь к Истине, а основным инструментом и аргументом этого познания гуманистами была признана геометрия, точное измерение, опыт и наблюдение над природой, где Творец запечатлел первообразы» [Там же. С. 44]. Отдавая должное А. Дюреру как художнику, «способному постичь гармонию мира через пропорции и адекватно передать это знание при помощи проекции», Лисович называет его одним из первых сторонников данной программы. Она указывает, что за счет утверждения математики и геометрии особое внимание уделяется точному отображению мира вещей в идейном мире науки и искусства, и, подчеркивая эту идею, приводит высказывание Р. Мандресси: «В вопросах чувственного опыта живописцы и анатомы разделяли одни и те же ценности, научные труды апеллировали к визуальной культуре той эпохи, а та, вторгаясь в них, приносила с собой особую чувственность» [цит. по: Лисович, 2015. С. 47]. Таким образом исследователь подводит к выводу: именно новые качества зрительного восприятия и визуальной культуры сделали возможным кооперацию художников и анатомов в деле открытия нового знания.

Схожа по акцентировке монография С. Бергер «Искусство философии: визуальное мышление в Европе от позднего Ренессанса до начала Просвещения» [Berger, 2017]. Главный тезис исследования заключается в том, что в Европе раннего нового времени производство и использование изображений являлось важным инструментом философской мысли и образования. Философы воспринимали производство изображений как когнитивный процесс; изображения часто отсылали к идеям, которые нельзя было отразить средствами вербального языка. Как указывает автор, книга

«служит цели углубления нашего понимания визуального в раннее новое время, через рассмотрение прежде не исследованных областей философии» [Ibid. P. 36]. Она рассматривает изображения в качестве «визуальных комментариев», подчеркивая, что они не служили единственно цели иллюстрирования теорий, а несли новые идеи и обогащали существующие. В пример она приводит диссертацию З.Я. Апина 1731 г., позволяющую оценить эпистемологическую ценность изображений в раннее новое время и постепенное затухание плюрализма визуального на протяжении XVIII в. [Ibid. P. 37], а также записи студентов Парижа и Левена (Бельгия), которые демонстрируют многочисленность визуальных репрезентаций в споре сторонников и противников Аристотеля в XVII—XVIII вв. По ее мнению, взаимодействие изображения и языка — фундаментальное основание всего европейского искусства. Не только отдельные философские образы (иллюстрированные тезисы или фронтисписы), но все нововременное искусство в Европе связано с языком, даже если текст буквально не представлен. Большинство изображений, созданных до 1800 г., будут непонятны без отсылки к текстам: «Библии», произведениям Овидия или Тацита. Искусство нового времени можно рассматривать как попытку разорвать связь изображения с языком; изображения после или около 1800 г. стремятся заменить искусство, которое рассказывает традиционные истории или визуализирует идеи, обычно выражаемые в письменной форме, тем, что отражает индивидуальный опыт гения. Подъем и упадок плюрализма философских образов также является историей упадка языка в организации визуальных представлений [Ibid. P. 39].

В 2000-е гг. выходит ряд работ, отразивших новое отношение к истории визуального: коллективные монографии — «Изображая машины. 1400—1700» [Picturing machines, 2004], «Транслируя знание: слова, изображения и инструменты в Европе раннего нового времени» [Transmitting knowledge, 2006], «Мария Сибилла Мериан и Алида Витхус: женщины, искусство и наука в Новое время» [Maria Sybilla Merian y Alida Withoos, 2018]; труды — Ф. Эгмонд «Внимание к деталям: изображение растений и животных в искусстве и науке, 1500—1630» [Egmond, 2017] и Дж. Нери «Насекомые и изображения. Визуализация природы в Европе раннего Нового времени, 1500—1630» [Neri, 2011]; статьи — «Тренируя профессиональное зрение. Понимание иллюстраций в астрономических текстах раннего нового времени» [Crowther, Barker, 2013], «Создавая экспертное знание с помощью изображений: антиквариата и научные иллюстрации раннего нового времени» [Moser, 2014], «Образцы и изображения: Джон Вудвард, Агустино Сцила и рисунки окаменелостей» [Findlen, 2015] и др.

В 1997 г. Европейский научный фонд (European Science Foundation) для исследования истории науки и визуальных изображений 1500—1800 гг. организовал лабораторию (ESF Network on Science and Visual Image 1500—

1800), результаты деятельности которой отражены в сборнике «Сила изображений в науке раннего нового времени» [The power of images, 2003]. Внимательное отношение к изображениям увеличивает в первую очередь осознание зависимости научного знания от различных внешних репрезентаций и углубляет понимание историчности знания. Изучение изображений делает очевидным тот факт, что научное знание имеет более глубокую и комплексную структуру, и это должно учитываться при анализе текстов. Анализ функции изображений, в раннее новое время показывает их роль в качестве медиатора между наукой и ее культурным контекстом, а также между практическим знанием и его теоретической рефлексией в виде научных теорий» [Ibid. P. VII]. Выделены основные функции изображения: оно может выступать как модель или схема в деле создания и проектирования техники, как аргумент в доказательстве теории, как форма репрезентации знания и формирования устойчивой картины мира.

В статье данного сборника «Изображение и текст в натуральной истории. 1500—1700» Б. Огилви разбирает особенности взаимодействия визуального и вербального на примере иллюстраций по ботанике. Он указывает, что к концу XVI в. необходимыми компонентами рыночного издания по натуральной истории были изображение и текст. Однако из-за особого интереса к всплеску изобразительных практик в XVI в. историки пропустили тот факт, что в XVII в. изображения из книг по ботанике исчезают. «Конечно, это преувеличение, но тем не менее важные ботанические трактаты зачастую избегали изображений там, где раньше они были обязательны. <...> Ботанические иллюстрации перешли в книги нового типа — атласы растений, в которых текст был вторичен, а художники соревновались между собой в правдоподобию» [Ibid. P. 141]. Ученые ботаники изобрели свой технический язык и мало нуждались в изображениях; те в результате возникновения таксономических схем отошли на второй план. «То, что иллюстрации по натуральной истории дожили с XVI в. до наших дней, скрывает реальную историю взаимоотношений изображения и текста в книгах по натуральной истории» [Ibid. P. 142].

Уделять внимание не только авторам книг по натуральной истории, но и авторам изображений — художникам и граверам — призывает П. Смит в статье «Искусство, наука и визуальная культура в Европе раннего нового времени»: «Факт, что натуралисты более знакомы историкам науки, чем художники, делавшие изображения, указывает на тенденцию и в истории науки, и в нашем современном восприятии наделять большими привилегиями теоретиков и концептуализаторов, чем мастеров и создателей» [Smith, 2006. P. 84]. По ее мнению, стремление к натурализму, запечатлению природных объектов и явлений в реалистичном ключе, — один из главных факторов формирования новых визуальных практик, применявшихся и до раннего нового времени — «локально и скорее всего независимо друг

от друга». В пример она приводит описание охоты на птиц, созданное при дворе императора Фредерика II (1194–1250), готические соборы во Франции и в немецком Наумбурге, а также натурализм фламандской полифонической музыки, воспроизводящей голоса птиц, работы фламандских художников вплоть до А. Дюрера и его учеников [Ibid. P. 94]. Автор подчеркивает, что в XVI в. изображения становятся объектом коллекционирования и каталогизации, свидетельствами о курьезном, чудесном и уникальном и в подтверждение приводит слова Гонсало Фернандеса де Овьедо-и-Вальдеса (1478–1557), 6 раз побывавшего в Новом Свете, а в 1552 г. назначенного историографом «Индий»). Тот сокрушался, что не взял с собой в плавание художника для зарисовки вещей, описанных в его «Всеобщей натуральной истории Индии» («*Historia general y natural de las Indias, islas y tierra firme del mar oceano*», 1535): «Это должно было быть зарисовано рукой Берругете, или Леонардо да Винчи, или Андреа Мантенья — знаменитыми художниками, которых я знал в Италии» [цит. по: Ibid. P. 89]. Опираясь на изложенные факты, Смит делает вывод, что область искусства как технологического производства и науки как познания не должны рассматриваться отдельно, и необходимо подумать о возможных путях их взаимодополнения [Ibid. P. 100].

В 2001 г. на базе Кембриджского университета образован Центр изучения искусств, социальных наук и гуманитаристики (Centre for Research in the Arts, Social Sciences and Humanities) с отделением, занимающимся визуальными аспектами науки. С 2015 г. на его базе реализуется проект «Делая видимым: визуальные и графические практики на начальном этапе деятельности Королевского общества» (куратор С. Кусукава). Один из результатов работы центра — легитимация изображений в качестве самостоятельного источника по истории естественнонаучного знания: «Совершенно ясно, что мы не можем больше воспринимать изображения, в качестве картинок, отмечающих результаты исследования, мы должны рассматривать их как активную часть совместного, беспорядочного и подчас спорного дела получения нового знания [Fransen, Reinhart, 2018]».

Как визуальные практики нового времени встраиваются в общий контекст развития истории науки и в историю репрезентаций в частности, показывают компаративные исследования. Первое из них принадлежит Л. Дастон и П. Галисону (Objectivity, 2007) [Дастон, Галисон, 2018]. Они дали классификацию репрезентативных стратегий авторов от начала нового времени до XX в. по принципу «эпистемологических добродетелей»: 1) истина по природе («*truth to nature*»), 2) механистическая объективность («*mechanical objectivity*») и ее крайность — структурная объективность, 3) тренированное суждение («*structure objectivity*»). По временным границам нас интересует первая из «добродетелей».

Верхняя граница добродетели 1-го типа — конец XIX в., когда вместе с развитием фототехники возникает новое требование к проекции: она

должна быть независима от наблюдателя. В рамках «истины по природе» от художника требовалась фиксация идеального типа, поэтому отсекалось все, что противоречило устоявшемуся представлению о гармонии природных объектов и явлений. Верность истине означала «реализацию экспертного суждения в отборе “типичных”, “характерных”, “идеальных” или “нормальных” образов, каждый из которых был вариантом рационального образа». При этом «слова типичный, идеальный, характерный или нормальный не являются синонимами, даже если они отсылают к одной и той же функции стандартизации»: «“идеальный” образ стремится представить не просто типичное, а совершенное, в то время как “характерный” образ помещает типическое в индивидуальное» [Там же. С. 125]. Основной акцент в исследовании делается на изображениях в атласах, которые авторы рассматривают как «хранилища регистрирующих образов, предназначенные для наук, основанных на наблюдении» [Там же. С. 62]. Примером значимости изображений служат рисунки экзотических животных и растений — единственный источник для их изучения вплоть до начала XIX в., когда таксидермия достигла определенных успехов. Нижние границы «истины по природе» не ясны.

С выводами Дастон отчасти согласуются соображения С. Кусукава, анализирующей более раннюю эпоху. В работе «Запечатлевая книгу природы: Изображение, текст и аргумент в XVI в.» [Kusukawa, 2012] ею поднимается вопрос о неоднозначности изображений и методов их исследования: «Изображения безусловно визуальны, но их взаимодействие с наблюдением и описанием требует тщательного изучения» [Ibid. P. 4]. Анализ особенностей фиксации визуальных образов в медицине и ботанике в XVI в. подвел ее к выводу об их методологическом единстве, повлиявшем на появление ботанических садов и анатомических театров (единство ботаники и анатомии в XVI в. связано с их существованием в границах медицины), а также упомянутых выше знаковых трудов А. Везалия и Л. Фукса. Кусукава отобрала авторов, которые эксплицитно выразили свои взгляды по поводу роли изображений в познании (К. Геснер, Б. Эустахио, П.А. Маттиоли, Ф. Платер и др.), и рассмотрела противоречия между ними. «Фукс и Везалий развили собственные системы аргументов в пользу “визуального” в деле познания», но их позицию оспаривали Я. Корнарий и Ж. Дюбуа. Ее вывод таков: в XVI в. еще не сложился единый режим визуального в науках о природе, «это было время экспериментирования и широкого плюрализма» [Ibid. P. 251]. «Леонардо и Дюрер были опытными и образованными рисовальщиками природы, но ни их мастерство, ни предмет (в виде тела или растения) не гарантировали, что объект изображен верно или даже что он в действительности существует. Было бы ошибкой утверждать, что “натуралистичное” изображение является прозрачным окном наблюдения за природой и природными явлениями» [Ibid. P. 8].

Ссылаясь на Винченцо Данти (1530–1576), Кусукава указывает на существование двух типов изображений — имитацию и подражание: «Разница между имитацией и подражанием (простым копированием) состоит в том, что подражание показывает вещи так, как они наблюдаемы, а имитация — так как они могли бы быть наблюдаемы»; «важно учитывать разнообразие отношений к изображениям, существовавшее среди образованных натуралистов, таких как Фукс, Монтэ и Корнарий, но не менее важно отметить то, что у самого Фукса не было четкой позиции касательно роли изображений в деле фиксаций медицинских растений. Функция и задачи изображений менялись вместе с переводами и редакциями “De historia stirpium”» [Ibid. P. 125].

По ее словам, к середине XVI в. печатные книги становятся главным источником информации для изучения медицины и первостепенным медиумом, с помощью которого образованные испытатели сообщали о своих открытиях и теориях. Однако «включение изображения в книгу, в связи с трудоемкостью его производства, требовало весомых эпистемологических, онтологических и интеллектуальных причин. Вера в случайности, во внешние формы или в идеальные тела была настолько же мощным двигателем ренессансных проектов Фукса, Гесснера и Везалия, как и отсутствие для классических испытателей, таких как Корнарий или Дюбуа, необходимости в иллюстрациях. Но были и другие причины использования изображений: в случае Маттиоли — чтобы укрепить авторитет своей теории, в случае Эустахио и Платера — для критики или канонизации изображений Везалия» [Ibid. P. 249]; «в случае Фукса благодаря уменьшению формата, переводу или перестановке частей универсальное знание адаптировалось для нужд локального рынка, и этот процесс менял функцию изображений» [Ibid. P. 250].

Говоря о плюрализме в тот период, она соглашается, что в дальнейшем могли возникнуть «более или менее коллективные нужды для тренировки и калибровки глаза, отразившиеся на научных атласах и в парадигме генерализации видимого в виде «истины по природе», раскрытой Л. Дагдон и П. Галисоном» [Ibid. P. 258], а Фукс, Гесснер и Везалий отчасти могут считаться зачинателями этой эпистемологической добродетели.

Цель работы К. Хентшеля «Визуальные культуры в науке и технологии: компаративная история» [Hentschel, 2014] — разобраться в отдельных сюжетах и частных случаях, накопленных историками и философами науки за последнюю четверть XX — начало XXI в. и сделать компаративный и интегративный анализ визуального в науке в сферах от математики до технологии, от натуральной истории до медицины, от наук о земле до астрономии, химии и физики [Ibid. С. 3].

Единственной предшествующей работой со столь же широкими хронологическими рамками (от раннего нового времени до конца XX в.) Хен-

тшель считает рассмотренную выше «Объективность» [Дастон, Галисон, 2018]. По его мнению, это была основательная, но только отчасти удачная попытка междисциплинарного компаративного анализа: «Дастон и Галисон больше заняты поиском паттернов или стилей репрезентаций, норм и идеалов ученых и иллюстраторов, чем выявлением особенностей и деталей самих репрезентаций» [Hentschel, 2008. P. 329]; временные границы выделенных ими «эпистемологических добродетелей» недостаточно вняты и не вполне обоснованы.

Особенностями своего подхода он называет: «стремление избежать подводных камней микроисторических исследований; параллельный анализ многих компаративных случаев; не принудительный анализ, а по возможности ориентир на категории, представленные автором источника; движение снизу от материального; намеренное обобщение за пределами выбранной области; внимание к контексту и осторожность со структуралистскими описаниями исторических процессов» [Hentschel, 2014. P. 4]. Он постулирует необходимость анализа различных уровней производства знания. С эпохи Ренессанса прежде жестко разделенные группы ремесленников, ученых схоластов и натуралистов активно взаимодействуют. «Амбициозные ремесленники и художники-инженеры (Леонардо да Винчи, Франческо ди Джорджо Мартини, Лоренцо Гилберти) заинтересованы в приобретении высшего знания (астрономии, алхимии, теории перспективы или оптической теории) для своих целей или для придания статуса своим работам», а «систематические наблюдатели за природой (Галилео, Гук, Агрикола или Гюйгенс) сосредоточены на изучении искусства, с целью улучшения своих художественных навыков и навыков наблюдения за природой» [Ibid. P. 13]. Хентшель предостерегает от выводов на основе одних лишь визуальных источников, т.к. в «Микрографии» Р. Гука (1665) из 246 страниц 15 % отведено под изображения, а в работах Р. Бойля зачастую приведены одно, или два, или изображения отсутствуют вовсе.

Подводя итог, констатируем: проанализированные нами работы позволяют говорить о нескольких основных стратегиях исследования визуальности в естественных науках XVI–XVII вв. Ученые единогласно указывают на изменение восприятия визуального в XVI в. По мнению многих из них, изображение — двигатель мировоззренческих трансформаций, новая метафора реальности. Детерминирующими факторами в данном контексте выступают распространение печатных книг и перестройка эпистемологических представлений о визуальном. Ряд специалистов утверждают, что изображение сделало возможным само распространение фактов, которые могут развиваться, трансформироваться и взаимодействовать между собой. Данная позиция отвергает роль изображения как действующего актора распространения научного знания, вплетая его в общий контекст развития теорий (Вуттон). Б. Латур видит в изображении метафору реальности,

а Д. Вуттон — проекцию теории или факт. И.И. Лисович и С. Бергер рассматривают трансформации, произошедшие в понимании визуальности, с философских позиций. Кусукава, П. Смит, Б. Огилви настаивает на необходимости анализа изображений в более широком контексте, с учетом: обстоятельств их производства и количества акторов, материалов, затрат на их производство (это переводит изображения с уровня абстракции на уровень материального, является признаком общего поворота к изучению «материальности» [Biographies of Scientific Objects, 2000; Things that Talk, 2004; Early Modern Things, 2012]); особенностей печатников, граверов и художников, участвовавших в создании текстов; смыслов, закладываемых авторами в разные редакции и переводы; соотношения различных репрезентативных практик. Компаративный анализ визуальных практик в истории науки также проводится с различных позиций (Л. Дагтон, П. Галисон, К. Хентшель).

Все это свидетельствует как об относительной новизне направления и разнообразии методологических подходов, так и о его актуальности, что требует более планомерного изучения зарубежной историографии, т.к. отечественные специалисты подобных компаративных исследований в области визуального практически не предпринимали. Вместе с тем «поворот к материальной культуре уже занял место в истории науки, технологии и медицины, а “визуальные культуры” в нашей дисциплине уже стали общеизвестным тропом» [Marcaida, 2016].

Библиография

Везалий А. О строении человеческого тела: в 7 книгах / Пер. с лат. В.Н. Терновского и С.П. Шестакова; послесл. И.П. Павлова. Т. 1–2. Москва; Ленинград, 1950–1954.

Вуттон Д. Изобретение науки. Новая история научной революции. Москва, 2018. 656 с.

Галисон П., Дагтон Л. Объективность. Москва, 2018. 584 с.

Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 95–155. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-2-95-151

Лисович И.И. Скальпель разума и крылья воображения. Москва, 2015. 440 с.

Alpers S. The art of describing: Dutch art in the seventeenth century. Chicago, University of Chicago Press, 1983. 273 p.

Berger S. The Art of Philosophy: Visual Thinking in Europe from the late Renaissance to the Early Enlightenment. Princeton, Princeton University Press, 2017. 318 p.

Bert S. Hall. The Didactic and the Elegant: Some Thoughts on Scientific and Technological Illustrations in Middle Ages and Renaissance // Picturing Knowledge: Historical and Philosophical Problems Concerning the Use of Art in Science / ed. Brian Scott Baigrie. University of Toronto Press, 1996. P. 3–39.

Biographies of Scientific Objects / edited by: Daston Lorraine. Chicago and London: University of Chicago Press, 2000. P. X + 308.

Brian W. Ogilvie. The Science of Describing: Natural History in Renaissance Europe. Chicago: University of Chicago Press, 2006. 431 p.

Crowther K., Barker P. Training the Intelligent Eye: Understanding Illustrations in Early Modern Astronomy Texts. *Isis*, № 104. 2013. P. 429–470.

Early Modern Things: Objects and their Histories, 1500–1800 / edited by: Paula Findlen. London, Routledge, 2012. 389 p.

Edgerton S. Y. The Mirror, the Window and the Telescope: How Renaissance Linear Perspective Changed Our Vision of the Universe. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. 199 p.

Egmond M. Eye for detail: Images of plants and animals in art and science, 1500–1630. London, Reaktion Books, 2017. 280 p.

Findlen P. The Specimen and the Image: John Woodward, Agostino Scilla, and the Depiction of Fossils. *Huntington Library Quarterly*, Vol. 78, № 2. 2015. P. 217–261.

Fransen S., Reinhart K.M. Exhibition Catalogue: Science Made Visible: Drawings, Prints, Objects. July–November 2018, Royal Society, London, 2018. 48 p.

Hentschel K. Review of Lorraine Daston & Peter Galison: Objectivity // *CENTAURUS*. №. 50. 2008. P. 329–331.

Hentschel K. Visual Cultures in Science and Technology: A Comparative history. Oxford University Press, 2014. 512 p.

Kusukawa S. Picturing the Book of Nature: Image, Text, and Argument in Sixteenth-Century. The university of Chicago Press, 2012. 331 p.

Latour B. Visualization and cognition: thinking with eyes // *Knowledge and Society. Studies in the Sociology of Culture Past and Present*. № 6(0), 1986. P. 1–40.

Marcaida J.R. Pictures and Conversation: How to Study the Visual Cultures of Science // *Isis*. № 107. 2016. P. 134–139.

Mason P. Before Disenchantment: Images of Exotic animals and Plants in the Early Modern World. London, Reaktion, 2009. 272 p.

Merian M., Withoos A. *Mujeres, arte y ciencia en la Edad Moderna* / edited by: María Cruz de Carlos Varona, Montserrat Cabré i Pairet. Santander, Editorial de la Universidad de Cantabria, D.I., 2018. 176 p.

Moser S. Making Expert Knowledge through the Image: Connections between Antiquarian and Early Modern Scientific Illustration // *Isis*. № 105. 2014. P. 58–99.

Neri J. The Insect and the Image. Visualizing Nature in Early Modern Europe, 1500–1700. University of Minnesota Press, Minneapolis & London, 2011. 233 + XVII p.

Picturing Knowledge: Historical and Philosophical Problems Concerning the Use of Art in Science / ed. Brian Scott Baigrie. University of Toronto Press, 1996. 389 p.

Picturing machines, 1400–1700 / edited by: Lefèvre Wolfgang. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 347 p.

Pimentel J. The Rhinoceros and the Megatherium: an Essay in Natural History / trans. Peter Mason. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017. 324 p.

Prints and the Pursuit and knowledge in Early Modern Europe / edited by: Susan Dakerman. New Haven, CT: Yale University Press, 2011. 442 p.

Shapin S. The Scientific Revolution. University of Chicago Press, 2018. 265 p.

Smith P.H. Art, Science and Visual Culture in Early Modern Europe // *Isis*. Vol. 97. № 1. 2006. P. 83–100.

The power of images in early modern science / edited by: Wolfgang Lefevre, Jurgen Renn, Urs Shoepflin. Springer-Science + Business Media, LLC., 2003. 308 p.

Things that Talk. Object Lessons from Art and Science / edited by: Daston Lorraine. New York: Zone Books, 2004. 447 p.

Transmitting knowledge: Words, images and instruments in early modern Europe. // edited by: Kusakawa Sachiko, Ian Maclean. Oxford: Oxford University Press, 2006.

УДК 930 + 7.01

В.Д. Черный, V.D. Chernyy

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

RUSSIAN MEDIEVAL ART AS AN INFORMATION SYSTEM: PROBLEMS OF STUDY

Аннотация: рассматривается комплекс вопросов, связанных с особенностями формирования произведений искусства как информационной системы. С одной стороны, на них влияло средневековое мировосприятие, с другой — приемы построения художественного образа, которые изменялись со временем. Наиболее ценную информацию содержат миниатюры, посвященные событиям отечественной истории, в особенности миниатюры Лицевого летописного свода XVI в. От стоявших перед художником задач, которые определялись иллюстрируемым текстом, зависели тематика и степень внимания к деталям. В период позднего средневековья в изображениях появились элементы, характеризующие реальные признаки окружающего мира. Наиболее значимым фактором изображения персонажей оставался их социальный статус. Художественная специфика произведений требует специального анализа, в ходе которого выявляется скрытая в них информация.

Abstract: The complex of questions connected with features of formation of works of art as information system is considered. On the one hand, they were influenced by the medieval worldview, on the other — the methods of constructing an artistic image that changed over time. The most valuable are the miniatures devoted to events of national history, especially miniature illuminated Chronicles of the XVI century From standing in front of an artist task, which were illustrated in the text, dependent on subject and degree of attention to details.